

2. Асеб о-ссейяр или Семь планет, содержащих историю крымских ханов от Менгли-герей хана I до Менгли-герей хана II. Сочинение Мухаммеда Ризы, изданное Казанским Университетом под наблюдением Мирзы Казем-Бека. – Казань, 1832.
3. Башкиров А.С., Боданинский У.А. Памятники крымско-татарской старины. Эски-юрт // Новый Восток. – М., 1925. – Кн. 8-9. – С.295–311.
4. Бахревский Е.В. Суфизм в Крыму (по материалам «Книги путешествия» Эвлии Челеби) // Проблемы истории и археологии Крыма. – 1996. – №1. – С.398–401.
5. Биярсланов Мурат-бей. Выписки из Кадияскерского сакка 1017–1022 года Хиджры, хранящиеся в архиве Таврического губернского правления // ИТУАК. – Симферополь, 1889. – № 7. – С.81–82; – №8. – С.41–51.
6. Боданинский А.А. Мартино Э.Л. Мурасов О. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар. – Симферополь, 1917. – С. 50–55.
7. Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крыма // Известия Государственного Русского Географического общества. – М.-Л., 1926. – Т.58. – Вып. I.
8. Броневский Мартин Описание Татарию // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1867. – Т.6. – С. 333–367.
9. Временные правила об управлении и заведовании духовными вакуфными имуществами Таврической губернии. – Бахчисарай, 1891.
10. Дело о выдаче выезжму из Крыма греку Пасхалию на монастырь Салаченский по жалованной грамоте милостыни 15 руб. 27 мая 1596 г./ Сообщение Ф.Ф. Лашкова // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1894. – Т.17. – С.6–7.
11. Дортелли д'Асколи Описание Черного моря и Татарию / Пер. Н. Пименов // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1902. – Т.24. – С.89–180.
12. Игельстром К.Б. Описание Таврической области и Крыма // Журнал министерства народного просвещения. – СПб: Сенатская типография, 1911. – Ч. XXX. – №12. – С.526–530.
13. Казем-Бек М.А. Извлечение из истории «Семи планет» // Журнал министерства народного просвещения. – СПб: Сенатская типография, 1835. – Ч. VI. – С.350 – 353.
14. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и ком. Е.В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999.
15. Кондараки В.Х. Ислам и мечети у крымских татар // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства 1865, 19 декабря. – С.4.
16. Кондараки В.Х. Обычай крымских татар // Одесский вестник 1858. – 3 апреля. – С.4–6.
17. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1991.
18. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврической губернской статистической комиссией. – Вып. 1. – Симферополь, 1867.
19. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII в. – СПб, 1887.
20. Сказки и легенды татар Крыма / Подготовка текста к печати и вступительная статья С.Д. Коцюбинского. – Симферополь: Госиздат КрымАССР, 1936. – С. 52–56.
21. Хедерлез // Маркс Н. Легенды Крыма. – Одесса, 1917. – Вып. III. – С. 26–30.
22. Ярлык № 8 // Крымско-ханские грамоты: Пер. В.Д. Смирнова // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – № 50. – С.173.
23. Ярлыки Крымских ханов по делам караимов // Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов / Изд. З.А. Фирковича; Предисл. В.Д. Смирнова. – СПб., 1890.
24. Ярлыки № 1,2 Хаджи Гирея и Нур-Девлет Гирея жителям Кырк Ера // Смирнов В.Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции ТУАК. – Симферополь, 1917. – С.7–11.

Дмитриев В.В.

ЗНАЧЕНИЕ ГРАДОНАЧАЛЬСТВ ЮГА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МЕДИКО-САНИТАРНОМ ОТНОШЕНИИ (XIX - начало XX века)

В системе местного управления юга Российской империи, в XIX – начале XX в., своеобразное место занимали градоначальства. Градоначальства создавались в отдельных приморских городах, выделенных из губернского управления, имевших выгодное стратегическое положение и перспективные в торговом отношении. Градоначальствами управляли особые должностные лица – градоначальники.

В XIX – начале XX в. на территории юга Российской империи, в Причерноморье и Приазовье, существовало 9 градоначальств: в Таганроге (1802–1887гг.), Одессе (1803–1838гг., 1856–1917гг.), Феодосии (1804–1837гг.), Керчь-Еникале (1821–1917гг.), Измаиле (1830–1856гг.), Севастополе (1873–1917гг.), Николаеве (1900–1917гг.), Ростове – на – Дону (1904–1917гг.), Ялте (1914–1917гг.).

Актуальность темы исследования обусловлена ее недостаточным рассмотрением в историографии.

Целью написания статьи является всестороннее изучение основных направлений и методов деятельности администрации градоначальств и подотчетных им органов в медико-санитарном отношении.

В соответствии с целью были определены следующие задачи:

- проанализировать степень исследования проблемы в историографии;
- охарактеризовать деятельность органов управления, самоуправления, карантинных и медицинских служб по улучшению санитарного состояния в градоначальствах;
- показать непосредственный вклад градоначальников в предупреждение возникновения инфекционных заболеваний и их ликвидацию на подведомственной им территории.

До последнего времени проблема, рассматриваемая в статье, оставалась малоизученной. Основные публикации, в которых затрагивались некоторые вопросы данной темы, были опубликованы в XIX – начале XX в. Это работы Ю.Гюбнера [1], А.Скальковского [2–4], К.Смолянинова [5], Е.Яблонского [6], воспоминания И.Муравьева-Апостала [7]. Среди современных историков следует отметить работу американской исследовательницы П.Герлиги [8]. В указанных работах авторы только частично затронули отдельные аспекты проблемы предупреждения и ликвидации последствий распространения инфекционных заболеваний.

Ввиду недостаточного рассмотрения в историографии этой проблемы, автором при исследовании основное внимание было сосредоточено на работе с письменными источниками, часть из которых была введена в научный оборот впервые.

Среди обязанностей, возлагаемых на градоначальников правительством, к первоочередным относилась защита жителей градоначальств и Российской империи в целом, от занесения из-за границы инфекционных заболеваний, таких как чума, холера, тиф, оспа и других. Потенциальную опасность для населения градоначальств юга Российской империи представляли Турция, страны Ближнего Востока (Средиземноморья), которые часто становились очагами распространения инфекций. Инфекционные заболевания заносились купцами, паломниками, моряками, прибывающими морскими судами из-за границы.

Градоначальства были своеобразными санитарными зонами, за пределы которых инфекционные заболевания не должны были распространяться вглубь Российской империи. С этой целью первым градоначальникам вменялось в обязанность руководство по строительству на территории градоначальств, специальной охранной зоны: карантинной гавани и центрального карантина. Первоначально (в первой половине XIX в.) градоначальники осуществляли непосредственное управление карантинной системой. В дальнейшем, со второй половины XIX и до начала XX в. контролировали состояние карантинных застав. В начале XX в. надзор за карантинными учреждениями был передан в ведение инспектора карантинных застав северного побережья Черного моря [9, л.11].

В 1803 г., на время основания первых градоначальств, карантинные заставы существовали в Одессе, Евпатории, Севастополе, Керчи [2, с.92]. В процессе появления новых градоначальств, были основаны карантинные заставы в Феодосии и Измаиле.

Среди карантинных застав, наиболее важную роль играли центральные карантинные заставы: Одесского, Феодосийского и Измаильского градоначальств. Одесский карантин обслуживал корабли, которые прибывали в портовые города: Одессу, Херсон и Николаев. В Феодосийский, а после его ликвидации в Керченский карантин заходили корабли не только идущие в эти порты, но и во все портовые города Азовского моря. Кроме того, Феодосийскому, а с 1829 г. – Керчь-Еникальскому градоначальнику подчинялись Керченский, Феодосийский, Евпаторийский карантинные заставы и карантинные заставы в Ялте, Алуште, Судаке [10, л.5]. В Измаильском градоначальстве также существовало несколько карантинных застав, подчиненных градоначальнику: Измаильский центральный, Ренийский, Сулинский и Аккерманская застава [11, л.10].

Градоначальник осуществлял управление, а в дальнейшем и надзор за карантинными заставами с помощью инспектора карантинных застав, который непосредственно заведовал всей карантинной системой. В нее входили карантинная линия и карантинная гавань, возле которой находился центральный карантин, он устраивался в крепости или на территории хорошо огражденной и защищенной от посторонних лиц.

В штат центрального карантинного заставы входили кроме инспектора, его заместитель, главный медицинский чиновник, директор карантинного дома, врач карантинного дома и порта, капитан карантинного порта и его заместитель, секретарь, казначей, несколько переводчиков [12, л.28].

Для лучшего осуществления охранных мероприятий при карантинных заставах была учреждена карантинная стража. Так, в 1818 г. был основан Одесский батальон карантинной стражи. В его обязанности входило наблюдение за строгим исполнением карантинных предписаний [5, с.397].

В карантине находились: пассажирский, товарный, чумной кварталы. Пришедшие из-за границы или неблагополучной в эпидемическом отношении местности России корабли, прибывшие на них пассажиры и персонал, перед тем, как попасть в город, должны были определенное время находиться в карантине, который продолжался от 2 до 6 недель. В это время дезинфицировались корабли и товар.

Градоначальники от карантинных служащих требовали принимать следующие меры для судов, которые проходили карантин:

- суда, пришедшие из-за границы, должны были выдержать установленный карантинный срок, в течение которого они проходили;
- карантинное очищение;
- карантинные службы должны тщательно проверять корабли;
- все вещи необходимо очищать окуриванием;
- снасти судна несколько раз погружать в воду и проветривать;
- перед очищением, привести к присяге командиров судов и других, прибывших на них людей, что никакая вещь не будет скрыта от дезинфекции;
- экипаж судов снабжать предписаниями на понятном для них языке [13, л.65].

Во время пребывания в карантине, пассажиры и персонал проживали в пассажирском квартале в гостинице или специально устроенных домиках. Прибывшие проходили осмотр на выявление инфекционных заболеваний, а их одежда дезинфицировалась. Если приезжий оставался в своей одежде и не хотел, чтобы его багаж дезинфицировался, то находился в карантине 6 недель, если сдавал вещи на дезинфекцию, то этот период сокращался до 2 недель [8, с.139].

При выявлении у прибывших из-за границы, симптомов инфекционных заболеваний, они изолировались в специальной части карантинного заставы – чумном квартале под надзором медицинских служащих до полного излечения. При появлении инфекционных больных инспектор карантинного заставы немедленно сообщал градоначальнику, а тот в свою очередь генерал-губернатору и министру внутренних дел.

Когда сроки прохождения карантинного заставы заканчивались товары выгружались, а прибывшие на судах люди попадали в город. Время, проведенное в карантине, являлось не наилучшим воспоминанием для многих

приезжих. Но, сохранились и положительные отзывы о карантинах, существовавших на территории градоначальств. Так, И.М. Муравьев-Апостол в книге «Путешествие по Тавриде» писал, что Феодосийский карантин ему очень понравился, по сравнению с теми, которые он видел. Карантин был устроен так, что исключал опасность сообщения между ним и городом. Автор отметил, что чистота, опрятность и порядок делают честь его начальнику и подчиненным [7, с.253].

Побывавшие в Одесском карантине иностранцы отмечали, что он является одним из наилучших в бассейне Черного и Средиземного морей. Из их воспоминаний мы узнаем, что руководство карантина, старалось улучшить условия пребывания приезжих. С этой целью проводилось озеленение карантина, улучшалась инфраструктура гостиниц и их обслуживание, строили магазины [8, с.138–139].

За год в карантинных заведениях пребывали тысячи людей. Так, в Одесском – в середине XIX в. за год только иностранцев (купцов, промышленников) проходило до 20 тысяч [3, с.414].

Контроль градоначальника за карантинными заведениями заключался не только в недопущении распространения инфекционных заболеваний. Градоначальники, с помощью подведомственных им чиновников, контролировали работу карантинных служащих, выявляли недостатки, наблюдали за внутренним и внешним устройством заведений на территории карантинных.

Так, Феодосийским градоначальником Н.И. Перовским в 1822 г. для удобства приезжих, были осуществлены следующие мероприятия: отремонтированы пассажирские дома, товарные помещения, дом директора карантинного здания, дорога, ведущая из карантина в город [14, л.20].

Контролировать деятельность карантинных градоначальнику помогала его канцелярия. При канцелярии градоначальника в первой половине XIX в. существовал специальный отдел (стол) – по карантинной части, который в основном состоял из делопроизводителя (столоначальника), переводчика и нескольких канцелярских служащих.

Так, в Керчь-Еникальском градоначальстве в 1834 г. отдел по карантинной части состоял из столоначальника, 4 канцелярских служащих и переводчика [15, л.18]. В этот отдел поступала вся информация по карантинной части. С его помощью поддерживались отношения между градоначальником и Медицинским департаментом, а также с российскими консулами за границей, которые в случае появления инфекционных заболеваний в странах Передней Азии и Средиземноморья сообщали об этом. Отдел по карантинной части поддерживал контакты с врачебным управлением близлежащих губерний.

Среди инфекционных заболеваний наиболее опасными считались чума и холера. В основном появление эпидемий этих заболеваний относится к первой половине XIX в. Происходило это по причине несовершенной карантинной системы, которая еще только формировалась. Случаи переноса инфекционных болезней за пределы карантина на территорию города наблюдались в Одессе (1812, 1830, 1837 гг. – эпидемии чумы), в Феодосии (1812 г. – эпидемия чумы), в Измаиле (1831 г. – эпидемия холеры).

При распространении инфекционных заболеваний из карантина на территорию градоначальств, эффективность борьбы с болезнью, количество заболевших и умерших во многом зависели от правильных действий градоначальника, который непосредственно руководил ее ликвидацией.

Так, например, летом 1812 г. в Феодосийском градоначальстве наблюдались случаи заболевания чумой. Количество больных каждый день увеличивалось. Благодаря решительным действиям Феодосийского градоначальника С.М. Броневского чуме не удалось опустошить город. Градоначальник принял строгие карантинные меры – Феодосия была оцеплена воинскими подразделениями и полицией. Его деятельность дала положительные результаты, уже в ноябре случаев появления новых больных становится меньше, а в январе 1813 г. эпидемия была ликвидирована. Она по подсчетам градоначальника продолжалась 3 месяца и 7 дней, выздоровело 217 человек, умерло 541 из 7000 населения [4, с.215–217, 224].

В августе 1812 г. в Одессе тоже была выявлена чума. По приказу Одесского градоначальника А.Э. Ришелье были приняты решительные меры для борьбы с этим заболеванием. Город был разделен на 5 частей, каждой заведовал врач и несколько комиссаров из почетных граждан. Больные изолировались от здоровых, запрещены всякие увеселительные мероприятия, торги в купеческих конторах, следили, чтобы не было скопления большого количества людей в одном месте. Одежду, заболевших чумой, сжигали. Однако население не всегда соблюдало карантинные меры предосторожности и придерживалось правил личной гигиены, поэтому болезнь продолжала распространяться [16, с.24]. Одесское градоначальство с 22 ноября было переведено на положение всеобщего карантина, которое длилось на протяжении 46 дней. Градоначальник был вынужден ужесточить меры контроля. По его приказу:

- в нескольких рабочих районах, в которых болезнь получила наиболее широкое распространение, население было переселено в нововыстроенные бараки, а прежние зараженные жилища были сожжены;
- закрыты все учебные заведения, рынки, магазины, культовые сооружения;
- не разрешалось выходить на улицу из домов;
- специально назначенные служащие доставляли в каждый дом необходимое продовольствие;
- медицинские работники, комиссары ежедневно посещали все без исключения дома, вверенных им участков, наблюдали за здоровьем населения;
- больных чумой перевозили в лазареты;
- умерших от болезни хоронили на отдельных чумных кладбищах [2, с.202–204];
- дома, где были выявлены больные чумой, помечали красными крестами [8, с.55].

Такие действия градоначальника способствовали тому, что – 16 февраля 1813 г. эпидемия чумы в Одессе была ликвидирована и карантин снят. За 5 месяцев эпидемии заболело чумой 4038 человек, из которых умерло 2640 человек [4, с.39].

Во время карантина Одесский градоначальник показал себя, как волевой и бесстрашный человек. Он постоянно осматривал подведомственную ему территорию, боролся за соблюдение дисциплины и порядка, посещал лазареты, воодушевлял больных, несмотря на опасность заражения. Градоначальником, для ликвидации чумы, привлекались медицинские работники, представители от городской общественности,

воинские подразделения, казачьи части. Последние использовались для оцепления градоначальства во время установления карантина.

На градоначальников и подчиненных им чиновников возлагался контроль над принятием необходимых мер для обеспечения благополучия в градоначальствах в медицинском и санитарном отношении.

Постоянный санитарный надзор в градоначальстве осуществляли: полиция, старший врач градоначальства, городские санитарные врачи, фельдшера и надзиратели, ветеринарный врач, специальная комиссия под председательством градоначальника [17, с.78].

Для предупреждения инфекционных заболеваний, выше перечисленными должностными лицами во главе с градоначальником предпринимался целый комплекс противоэпидемических мероприятий.

Через церкви и периодическую печать населению сообщалось о симптомах болезней, мерах предосторожности и правилах личной гигиены. Медицинские работники и полиция обращали особое внимание жителей градоначальства на соблюдение чистоты улиц, площадей, рынков, дворов. Осуществлялся пристальный надзор за состоянием гостиниц, трактиров, ночлежных домов, тюрем.

При несоблюдении хозяевами гостиниц, трактиров, домов чистоты и гигиены на подведомственной им территории, администрацией градоначальства и служащими по общественному управлению налагались штрафы [18, л.3,24].

Все поступающие в продажу бывшие в употреблении вещи: одежда, обувь, книги, мебель должны были пройти дезинфекцию и в доказательство этого иметь на себе городскую пломбу [19, с.91-92].

Медицинскими работниками, представителями органов общественного самоуправления исследовались на доброкачественность продукты на рынках и базарах. Градоначальства были разделены на участки, за каждым из которых был закреплен врач, что являлось необходимым для оказания своевременной помощи больным и проведения надзора за санитарным состоянием подведомственной территории [20, л.7].

При городских больницах устраивались холерные отделения. Пополнялись запасы дезинфицирующих средств. Для предупреждения оспы медицинскими работниками проводилась вакцинация. Если болезнь не удалось предотвратить, то увеличивался медицинский персонал – приглашали из соседних губерний врачей, фельдшеров, санитаров [21, л.11].

В специальных цистернах завозили чистую воду. В местах массового распространения болезни открывались временные отделения для инфекционных больных [18, л.63].

При обнаружении холеры, людей с первыми признаками болезни изолировали от здоровых. Помещение с больными или те, где они до этого пребывали, подвергали дезинфекции с помощью раствора хлорной извести. Населению привозили чистую воду в бочках, рыбу и мясо солили. Умерших хоронили на специальных холерных кладбищах, без почестей, в глубоко вырытых ямах [22, л.1].

Одесский градоначальник А.Э. Ришелье основал в Одессе в феврале 1812 г. госпиталь и создал особый комитет под своим председательством для решения вопросов профилактики и лечения тяжелого инфекционного заболевания – натуральной оспы [4, с.390].

Измаильский градоначальник С.А. Тучков для предотвращения распространения чумы приказал в 1832 г. ужесточить меры проверки и прохождения карантина. Кордонная стража и полиция по его приказу должны были усилить контроль по отношению к тем, кто пытался нелегально перейти из-за границы на территорию градоначальства. Временно запрещалась ловля рыбы в бассейне Дуная, так как поступили сведения о распространении болезни на островах бассейна этой реки. Лодки было приказано отдать под контроль кордонной стражи. Информация о выявлении у населения симптомов болезни срочно сообщалась градоначальнику [14, л.21–22, 35–36].

При появлении в соседней с Керчь-Еникальским градоначальством Феодосии холеры по приказу местного градоначальника И.А. Стемповского были предприняты следующие меры:

- учреждены специальные заставы;
- при въезде в градоначальство люди подвергались осмотру, больные помещались в больницу;
- Керчь была разделена на кварталы, были избраны специальные попечители и комиссары, которые ежедневно посещали дома жителей, интересовались их здоровьем;
- штат больниц был увеличен за счет приглашенных из Таврической губернии врачей [23, л.66-67].

Одесский градоначальник граф П.П. Шувалов в 1902 г. после выявления в градоначальстве нескольких больных с подозрением на холеру, приказал чинам полиции совместно с городским врачом пристальное внимание уделить осмотру мест с большим скоплением народа (базары, площади, ночлежные приюты, торгово-промышленные заведения). Создать санитарный поезд, включить пригородные хутора градоначальства в общую санитарную организацию города. Проводить осмотр приезжающих и отъезжающих с железнодорожных станций Одесского градоначальства. Улучшить питание и помощь беднейшим жителям Одессы. Градоначальник взял на себя руководство по ликвидации распространения инфекционных заболеваний. По его инициативе была создана специальная, санитарно-исполнительная комиссия, которую он возглавил. Эта комиссия заседала ежедневно, в нее входили также главный и санитарный врачи градоначальства, полицмейстер, городской голова, представители от железной дороги, гимназии, духовного ведомства. Город был разделен на 70 медицинских участков, устроены изоляционные отделения при больницах [24, л.64-66].

Деятельность созданных в конце XIX – начале XX в. санитарно-исполнительных комиссий во главе с Одесским градоначальником была направлена на предупреждение и ликвидацию различных инфекционных заболеваний, принимающих формы эпидемий. Эти комиссии, по примеру Одесского градоначальства, стали возникать на территории других градоначальств. Основной объем работы в них осуществляли медицинские работники во главе с главным и санитарными врачами. При вспышке инфекционных заболеваний координацию действий различных ведомств, брал на себя градоначальник.

Заседания санитарно-исполнительных комиссий при канцелярии градоначальника происходили не только в периоды обострения эпидемиологической ситуации, но и для решения поточных проблем.

На заседаниях, делал доклад о медико-эпидемиологической ситуации в градоначальстве санитарный врач, который характеризовал поточное положение и предлагал пути его улучшения. Выступавшие выска-

зывали свои мнения, что фиксировалось чиновниками канцелярии градоначальника. После окончания заседания градоначальник поручал Городской Управе представить во всей полноте проект по обсуждаемому вопросу.

Так, 5 апреля 1915 г. проходило заседание Севастопольской санитарно-исполнительной комиссии под председательством градоначальника С.И. Бурлея, на котором выступил санитарный врач Севастопольского градоначальства И.В. Александровский. На основе предложенного на заседании, члены Городской управы представили проект по обсуждаемому вопросу. В нем сообщалось, что Городская управа признала необходимым предпринять для эффективной борьбы с инфекционными заболеваниями следующие меры:

- устроить медицинский пункт для осмотра больных;
- построить специальную больницу для инфекционных больных на 400 кроватей, в связи с большим скоплением войск в городе;
- создать 4 санитарно-эпидемических участковых пункта.

Для осуществления планируемого необходимы были денежные средства в размере – 114 400 рублей. В связи с войной и плохим развитием торгово-промышленной деятельности, своих доходов город имел мало, поэтому Севастопольский градоначальник обратился с ходатайством в Санкт-Петербург, в Высочайшую Утвержденную комиссию о мерах предупреждения чумы, для выделения градоначальству денег от правительства [25, с.15, 24–26].

Улучшение медико-эпидемиологической ситуации в градоначальствах достигалось при взаимодействии администрации градоначальств с медико-санитарными службами и органами городского самоуправления.

Среди мер предлагаемых санитарными врачами для улучшения медико-эпидемиологического положения в градоначальствах были:

- бесплатное лечение опасных инфекционных заболеваний;
- проведение профилактических прививок;
- разъяснительная работа среди населения посредством чтения лекций;
- расширение и улучшение водно-канализационной сети.

Медицинские работники констатировали, что инфекционные болезни: холера, оспа, тиф преимущественно поражают бедное население, которое живет в антисанитарных условиях и является малограмотным [25, с. 4–5,15].

Не менее конструктивным было взаимодействие градоначальников с органами городского самоуправления по медико-санитарным вопросам. Одним из примеров такого сотрудничества является отчет Городской управы г. Николаева за 1902г о проведенных мероприятиях по улучшению санитарного состояния улиц и площадей города. Отчет был составлен в ответ на одно из обращений Николаевского градоначальника К.М. Тикоцкого. В нем сообщается, что:

- с целью улучшения качества уборки улиц, площадей и рынков состав служащих городского обоза был увеличен на 5 человек;
- весь мусор с территории города вывозится ежедневно подводами городского обоза;
- места стоянки конных экипажей каждый день дезинфицируются службами городского санитарного надзора [26, л.2].

Предпринимаемые градоначальниками меры приносили желаемые результаты, удавалось сократить количество больных и умерших от инфекционных заболеваний.

Таким образом, администрация градоначальств и подотчетные им органы в XIX – начале XX в. внесли значительный вклад в предотвращение распространения инфекционных заболеваний и улучшение санитарно-эпидемиологической ситуации на юге Российской империи.

Источники и литература

1. Гюбнер Ю. Древняя и новая Феодосия в санитарном отношении. – СПб., 1875. – 45с.
2. Скальковский А.А. Первое тридцатилетие города Одессы: 1793 – 1823. – Одесса, 1837. – 296с.
3. Скальковский А.А. Одесское градоначальство в начале 1846 года //ЖМВД. – 1846. – Ч.14. – С.213 – 442.
4. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. – Одесса, 1838. – Ч.2. – 349с.
5. Смолянинов К. История Одессы // ЗООИД. – Одесса, 1852. – Т.3. – С. 338 – 432.
6. Яблонский Е.К. Севастополь в медико – топографическом отношении: Докторская диссертация в военно-медицинской академии № 5. – СПб., 1908. – 209с.
7. Муравьев – Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. – СПб., 1823.– 337с.
8. Герлігі П. Одеса: Історія міста 1794 – 1914рр. – К.: Критика,1999. – 382 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.1284. – Оп.185. – Д.17.
10. Государственный архив Одесской области (ГАОО). – Ф.1. – Оп. 2. – Д.68.
11. РГИА. – Ф.1281. – Оп.2. – Д.144.
12. Филиал ГАОО в г. Измаиле. – Ф.56. – Оп.11. – Д.489.
13. Филиал ГАОО в г. Измаиле. – Ф.56. – Оп.1. – Д.196.
14. ГАОО. – Ф.1. – Оп. 219. – Д.3.
15. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК).- Ф.162. – Оп.2. – Д.94.
16. Прошлое и настоящее Одессы (1794 – 1894). – Одесса, 1894. – 48 с.
17. Обзор Керчь – Еникальского градоначальства за 1900г.// Памятная книжка Керчь – Еникальского градоначальства. – Керчь, 1901. – С.48 – 81.
18. ГААРК. – Ф.162. – Оп.2. – Д.1212.

19. Приказы николаевского градоначальника Тикоцкого// Адрес – календарь и справочная книга Николаевского градоначальства на 1902г. – Николаев, 1901. – с.91 – 92.
20. РГИА. – Ф.1284. – Оп.67. – Д.241.
21. РГИА. – Ф.1284. – Оп.23. – Д.1.
22. Филиал ГАОО в г. Измаиле. – Ф.56. – Оп.1. – Д.88.
23. ГАОО. – Ф.1. – оп.191. – Д.6.
24. Государственный архив Николаевской области (ГАОНО). – Ф.229. – Оп.1. – Д.124.
25. О мерах против заноса заразных заболеваний в г. Севастополь в связи с военным временем. Доклад городского санитарного врача И.В. Александровского Севастопольской санитарно – исполнительной комиссии 5 апреля 1915 г. – Севастополь, 1915. – 43 с.
26. ГАОНО. – Ф.229. – Оп.1. – Д.284.

Зінченко О.В.

ПРАВА ДЕРЖАВНИХ РАДНИКІВ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ 1906–1916 років

Актуальність дослідження. У наше реформаторсько-перехідне сьогодення будь – які права окремої людини, груп, колективів, цілого суспільства, його державних та громадських установ набувають наукового, політичного і практичного значення. Це стосується і минулого, яке з різних причин замовчувалось чи перекручувалось, зокрема, прав державних радників Російської імперії 1906 – 1916 рр. Ця проблема виявилась зовсім недослідженою. У 1909 р. її частково зачіпав російський правознавець А.К.Фон-Резон [9]. Радянські ж історики взагалі ігнорували Державну раду, виходячи з ленінського положення про те, що вона є виключно реакційною установою, яка зовсім не відрізняється від царських «воєнно-польових судів» та «Союзу російського народу» [1, с. 279; 2, с. 145]. У зв'язку з цим *метою* нашого дослідження є спроба охарактеризувати основні права членів Державної ради Російської імперії 1906 – 1916 рр. шляхом аналізу законодавчих актів установчого характеру. Головне завдання статті саме і полягає у детальному дослідженні Запроваджень Державної ради 24 квітня 1906 р. та Державної думи 20 лютого 1906 р.

Для втілення в життя повноважень та виконання певних обов'язків членами палат народного представництва їм необхідно було користуватись відповідними правами. «В державах з народним представництвом, - підкреслював у 1909 р. А.К.Фон-Резон, - членам палат надаються певні особливі права та переваги, що вважаються необхідними для забезпечення означеним особам вільного й успішного виконання їхніх обов'язків» [9, с. 1]. Особливі права народних обранців виражались, по-перше, у свободі промови, і, по-друге, у захищеності від простого способу позбавлення волі. Вони були відомі і оновленому революцією російському праву. Про них говорилось у статтях 5, 26 та 27 Запровадження Державної ради 24 квітня 1906 р. та статтях 14 – 16 Запровадження Державної думи 20 лютого 1906 р. [7, с. 144, 149 – 150; 6, с. 943]. «Державна Рада у пропонованих їй справах, - виголошувала стаття 5 Запровадження Державної ради, - користується усією свободою думки» [7, с. 144].

Необхідно зазначити, що згадані особливі права державних радників, як і депутатів Державної думи, не могли бути абсолютними. Так, свобода промови, під якою розумілась уся сукупність словесної діяльності депутата під час виконання покладених на нього відповідних до цього звання обов'язків, не могла бути безмежною. Цій свободі належало мати певні границі в інтересах збереження гідності та успішності занять представницьких зборів. Обмеження визначались, по-перше, самим законом або так званими наказами (регламентами) означених зборів. Стаття 5 Запровадження Державної ради 24 квітня 1906 р. надавала державним радникам право цілком вільного обговорення й критики усіх запропонованих Державній раді законопроектів і взагалі справ та усіх пов'язаних з останніми обставин, дій та думок осіб чи місць, що їх надіслали, лише вимагаючи, щоб критика зачіпала дійсну сутність питання і обумовлювалась тільки нею. «Надання членам Державної ради права свободи промови, – констатував А.К.Фон-Резон, – не звільняло їх від загального обов'язку підкорятись дії законів і законів кримінальних в особливості; дозволялась свобода критики, але не свобода лайки та скривдження чи свобода закликів до злочинних дій і таке інше» [9, № 8, с. 81]. До цього слід додати, що відповідно до статті 5 Запровадження Державної ради 24 квітня 1906 р. члени останньої користувались «усією свободою думки» не абсолютно, а лише «у пропонованих їй справах» [7, с. 144]. Немає сумніву, що під терміном «пропонованих» розумілися справи, які пропонувались законом, тобто підвідомчі Державній раді і надійшли у встановленому порядку, відповідно до статей 29, 43, 54 – 56 та 57 – 59 Запровадження Державної ради [7, с. 150, 152, 154 – 156]. У цих статтях визначався порядок внесення законопроектів [ст. 29, 54 – 56], право збудження Радою законодавчих пропозицій (ст. 43) та порядок здійснення радниками запитів до членів уряду [ст. 57 – 59] [7, с. 150, 152, 154 – 156]. Саме тому не можна було вважати «пропонованими» усі ті справи, які, по-перше, хоча і надійшли правильно, відповідно до формальної точки зору, до Державної ради, але за своєю сутністю не підлягали її розгляду, а, по-друге, які надійшли до Державної ради з порушенням формального порядку. Наприклад, якщо самою Державною радою збуджено пропозицію щодо застосування чи зміни Основних державних законів, що не входило до її повноважень, або коли вироблений Державною радою законопроект, що не отримав монаршого затвердження, вносився на розгляд протягом тієї ж сесії, то про застосування статті 5 не могло бути і мови. У тому ж розумінні необхідно було сприймати і термін «справи, що підлягають віданню Думи», який містився у статті 14 її Запровадження (20 лютого 1906 р.) [6, с.943]. «Взагалі можна сказати, що дарована членам Державної ради свобода промови, – писав А.К.Фон-Резон, – у цілому мала те ж значення, що й привілей, надані з цього предмету німецькими монархами державним урядовцям у 17 – 18 століттях, і ці привілеї встановлювали... не повну безвідповідальність депутатів, а, навпаки, їхню відповідальність, але лише у передбачених законом випадках та в загальному законному порядку. Цей характер вказане правило зберегло і після переходу до нових Запроваджень Державної думи та Державної ради» [9, с. 82].

Отже, депутати палат народного представництва могли користуватись свободою промови лише у визначених законом межах. Подібні законні правила містилися у той час майже у всіх конституціях, причому, не дивлячись на різні редакції відповідних статей, вони мали загальну мету забезпечити депутатам у